

то этнографические наблюдения помогают раскрывать качественное содержание тех или иных затрат времени, вскрыть их этническую специфику.

Заметим, что некоторые определения, приведенные в книге, например определение быта, понимание культуры (стр. 46) все же остаются спорными. При рассмотрении структуры внерабочего и свободного времени авторы не всегда четко проводят деление между составляющими ее элементами. Например, авторы относят бездеятельный отдых к удовлетворению естественных потребностей (что само по себе спорно). Характеризуя же структуру свободного времени, авторы также включают в него бездеятельный отдых. В то же время в книге указано, что из свободного времени следует исключить время, затрачиваемое на работу, домашний труд и удовлетворение естественных потребностей (стр. 69 и 77). Некоторое недоумение вызывает частое употребление в книге новых словосочетаний вместо привычных терминов, например «телесмотрение».

Однако эти замечания не снижают значение книги Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, которая может быть полезна не только для специалистов, но и для широкой советской общественности.

Л. В. Остапенко

И. П. Труфанов. Проблемы быта городского населения СССР. Л., 1973, 144 стр.

Исследование быта горожан, начавшееся в СССР сравнительно недавно, привлекает внимание специалистов различных областей общественных наук страны — этнографов, социологов, психологов, экономистов. Руководствуясь единой марксистской методологией, ученые разрабатывают как общие, так и специфические его аспекты.

Вышедшая недавно монография И. П. Труфанова — работа, в основном, социологического характера, посвящена изучению быта рабочих и других социальных групп городского населения СССР. Начинается она с раскрытия методологических и методических принципов исследования быта городского населения СССР.

Аналізу конкретного социологического материала предпослан довольно полный исторический обзор отечественной и зарубежной литературы по теме.

Исследование автора построено на широком круге источников: директивных документах партии и правительства, материалах прессы, данных государственной статистики. Им использованы также результаты социологических исследований, проведенных дважды (в 1965 и 1970 г.) на машиностроительных предприятиях Ленинграда и в трех городах Татарской АССР — Казани, Альметьевске и Мензелинске, где в 1967 г. вела исследование Межинститутская социологическая лаборатория Института этнографии АН СССР и Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского. На основе репрезентативной выборки на предприятиях Ленинграда было опрошено 3,5 тыс. человек, а в городах Татарской АССР — 7230 человек. Данные, полученные при повторном исследовании, дали автору возможность провести сравнительный анализ. И хоть пять лет — исторически срок очень небольшой, но в условиях быстрого развития научно-технической революции он все же позволяет уловить наиболее важные тенденции и выявить основные закономерности в динамике быта¹.

Автор широко использовал метод количественного анализа собранной информации (стр. 72, 87 и др.), и это позволило ему полнее представить своеобразие быта рабочих, инженерно-технических работников и служащих.

В советской науке, как известно, наметились две точки зрения в понимании термина «быт». Этнографы, выражая одну из них, весьма убедительно трактуют быт широко, как «повседневный образ жизни людей, основывающийся на привычном распорядке, традициях, установившихся отношениях между людьми и иных явлениях, сложившихся в процессе общественной (в том числе и производственной) деятельности людей, в их семейном и домашнем обиходе. С этой точки зрения вполне закономерно говорить о быте общественном, производственном и домашнем (или, что шире, семейном)»².

Сторонники другой точки зрения не включают в понятие «быт» производственную и общественную деятельность, связанную с удовлетворением материальных и духовных потребностей³.

И. П. Труфанов считает, что в условиях высококачественного урбанизированного общества «быт, безусловно, отражает (но не включает.— Т. Александрова) обе сферы — производственную и внепроизводственную», но как явление современной социальной жизни его следует рассматривать, ограничиваясь лишь внепроизводственной сферой (стр. 7—8). Таким образом, автор присоединяется к сторонникам второй точки зрения,

¹ По этому вопросу мы разделяем мнение других авторов: см. В. А. Петров и др., Рабочие Ленинграда в годы VIII пятилетки (опыт сравнительного социально-исторического исследования), «История СССР», 1972, № 6, стр. 89.

² Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Быт и его преобразование в период социализма, «Сов. этнография», 1965, № 4, стр. 16.

³ В. Синицын, Быт эпохи строительства коммунизма. (О путях строительства коммунистического быта в СССР), Челябинск, 1960, стр. 13; А. Г. Харчев, Быт и семья при социализме, «Вопросы философии», 1967, № 3.

но пытается снять ее противоречия, предлагая рассматривать быт современного общества путем соотношения его со сферой производства и общественной деятельности⁴. Поэтому он выдвигает следующее определение быта: «быт — это повседневная, исторически сложившаяся форма удовлетворения материальных и духовных потребностей индивида, образующихся под воздействием классовых, социально-групповых, национальных традиций, привычек, закрепляющихся в сфере этносоциальной психологии» (стр. 8). Но это определение, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем обсуждении. Например, непонятно, почему в нем идет речь о потребностях индивида, ведь быт — это система взаимоотношений людей и их поведение в каком-то коллективе. Неясно, лишен ли быт всяких элементов производства?

Сложность современной структуры городского населения требует изучения быта с учетом не только классовых, но и внутриклассовых различий. Поэтому автор рассматривает особенности быта не только у рабочих и у представителей умственного труда, в целом, но и в отдельных социально-профессиональных группах, выделенных на основе различий в характере труда: например, у высоко- и малоквалифицированных рабочих, у инженерно-технических работников, служащих. Но главное место по праву отводится рассмотрению быта рабочего класса — ведущей производительной, политической и революционной силы нашего общества. Такой подход позволил показать сложившиеся бытовые различия у отдельных групп рабочих и интеллигенции, а также проследить тенденции и пути сглаживания этих различий в результате развития производительных сил и совершенствования общественных отношений, повышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Большой интерес представляют те разделы работы, в которых автор анализирует данные о благосостоянии рабочих и других групп городского населения, заработной плате, поступлениях из общественных фондов, дополнительных заработках и доходах от подсобных хозяйств. Автор показывает, что потребление продовольственных и промышленных товаров определяется прежде всего заработной платой и поступлениями из общественных фондов, а дополнительные заработки и доходы от садово-огородных участков и дач не играют существенной роли в бюджете каких-либо групп городского населения. И. П. Труфанов обращает внимание на то, что во многих семьях садово-огородные участки и дачи способствуют удовлетворению любительских интересов и здоровому проведению летнего отдыха (стр. 64).

Автор умело сочетает данные общесоюзной статистики и дополнительные материалы конкретных исследований. Из табл. 2 видно, что реальная заработная плата всех горожан, и особенно рабочих, систематически растет. Кроме того, и это важно подчеркнуть, у нас нет чрезмерного разрыва между доходами различных социально-профессиональных групп (так, в 1970 г. доход на душу в семьях начальников цехов и руководителей больших коллективов составляли 82 руб., а в семьях квалифицированных рабочих — от 73 до 77 руб. в месяц).

Не менее интересны расчеты, отражающие рост общественных фондов, т. к. именно за счет косвенных поступлений доходы городского населения возросли с 1965 по 1969 г. в среднем в 1,3 раза (стр. 68). Рассматривая вопрос о потреблении продуктов питания, И. П. Труфанов показывает, что в нашей стране полностью решена проблема питания по калорийности (3000—3200 калорий на человека).

По уровню потребления ряда важных непродовольственных товаров городское население СССР приближается к научно обоснованным нормам и не уступает высокоразвитым промышленным капиталистическим странам.

Характеризуя благосостояние рабочих, служащих, инженерно-технических работников, а также их культурные запросы, автор использует такой источник, как зафиксированные в анкете сведения о домашнем инвентаре.

В книге рассматриваются также формы и характер проведения досуга рабочими и ИТР. На конкретном материале автор показывает, что потребление культуры (чтение книг, посещение кино и театров, просмотр телепередач, наконец, наличие собственных библиотек и т. д.) определяется, прежде всего, профессиональной принадлежностью и уровнем квалификации, образованием, а затем уже демографическими характеристиками.

В четвертой главе помещен оригинальный материал, позволяющий представить организацию быта, распределение нерабочего времени (в том числе использование его на домашнее хозяйство, занятия с детьми, посещение кино и театра и т. д.) на основе бюджетов времени. Автор характеризует различия в использовании свободного времени трудящимися и одновременно выявляет задачи общества в совершенствовании досуга конкретных групп населения (стр. 127, 128 и др.) Думается, что этнографы в своих работах могут шире использовать публикации, в которых приводятся материалы исследования быта по бюджетам времени.

В рецензируемой работе содержатся сведения о численности и структуре современной городской семьи, ее работающих членах, положении женщины в семье, наконец, о ряде факторов, на основе которых складываются отношения в семейном быту. Автор

⁴ Такой же точки зрения сейчас придерживается и ряд других авторов. См. Гордон Л. А., Клопов, Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени, М., 1972, стр. 15.

акцентирует внимание на том, что семья занимает в современных условиях важное место в ценностных ориентациях рабочих.

К сожалению, в этой интересной книге имеются некоторые недочеты. Так, автор раскрывает содержание терминов «образ жизни» и «быт», но оставляет без объяснения термин «уклад жизни», хотя он пользуется им при последующем изложении материала (стр. 10 и др.) Читателю остается неясным, является ли это понятие эквивалентом «образа жизни» или «быта» (стр. 5—6), тем более, что два последних термина обычно воспринимаются как синонимы.

Использование данных о домашнем инвентаре должно быть дополнено изучением характера интерьера, выявлением его этнических традиций и т. д. Вряд ли возможно согласиться с категоричным утверждением автора об отсутствии главы в современной рабочей и вообще городской семье (стр. 97). В этом случае было бы правильнее говорить о существенном изменении взаимоотношений супругов в семье при социализме.

В заключение хотелось бы сказать, что книга И. П. Труфанова является ценным вкладом в изучение современного высокоурбанизированного общества. Она будет полезной для этнографов, историков, социологов и представителей других общественных наук.

Т. М. Александрова

Н. Г. Фрадкин. Географические открытия и научное познание Земли. М., 1972, 132 стр.

Книга Н. Г. Фрадкина посвящена обширному кругу методологических проблем, связанных с сущностью и характерными признаками географических открытий. Труд содержит ряд острых и порой спорных положений, свидетельствующих о смелости творческой мысли автора. В этом неоценимое достоинство книги — она заставляет задуматься над вопросами, еще не полностью разрешенными географами, историками и этнографами.

Прежде всего Н. Г. Фрадкин отвергает однозначные дефиниции самого понятия географического открытия. Эти проявления человеческой деятельности он рассматривает как весьма сложный исторический процесс, имевший на разных этапах освоения Земли качественно различный характер.

Автор считает устаревшей традиционную трактовку понятия географического открытия как деяния, связанного с представлением о географии как науке преимущественно описательной. Он указывает, что физическая география в наше время не только не исчерпала возможности новых открытий, но и вступила в эпоху познания ранее неизвестных закономерностей. Н. Г. Фрадкин справедливо отмечает, что с 4 октября 1957 г., с выходом в Космос первого искусственного спутника Земли, началось научное изучение общепланетарных закономерностей, безмерно расширяющих возможности новых открытий, основанных на комплексном сравнительном изучении различных небесных тел солнечной системы.

Касаясь истории географических открытий, автор выделяет в ней два качественно различных этапа: этап территориальных открытий, связанных с созданием физической карты земного шара и этап открытий физико-географических закономерностей, начало которого было ознаменовано вступлением географии в фазу аналитических исследований.

Н. Г. Фрадкин полагает, что во зременном плане оба эти этапа совпадали друг с другом, но в будущем абсолютное преобладание получают открытия новых закономерностей, возможности которых неисчерпаемы, как неисчерпаемо познание природы земного и внеземного миров.

Первый раздел книги посвящен территориальным открытиям. Автор подвергает критике существующие определения понятия «географическое открытие», и, в частности, дефиницию И. П. Магидовича, который ограничивает это понятие рядом условий, например фактом первопосещения данного объекта и наличием у первооткрывателей письменности. Н. Г. Фрадкин считает, что эти критерии носят формальный характер и не дают возможности составить представление о географическом открытии как о сложном процессе, в котором ознакомление с тем или иным объектом порой проходило многократно и всякий раз на качественно ином уровне.

В этой связи Н. Г. Фрадкин выдвигает схему уровней территориальных открытий. Под уровнем автор подразумевает ограниченную во времени и обусловленную совокупностью общественно-исторических условий фазу познавательных мероприятий. По мере смены исторических формаций сменяются уровни, возрастает масштаб и степень познания ранее обнаруженных географических объектов.

Условно автор выделяет три уровня территориальных открытий: локальный, региональный и глобальный. Локальный уровень соответствует тому этапу, когда «географический» кругозор людей был ограничен местом обитания отдельных племен и местонахождение неизвестного объекта определялось относительно других, известных прежде объектов, в узких локальных рамках — в пределах обитания данного племени. Региональный уровень отвечает следующему этапу, когда «географический» кругозор возрос настолько, что появились представления об относительно обширном регионе, в центре